

От поэзии к художественной авантюре

В гостях у нашего журнала поэт, художник, журналист, член МПП – Светлана Астрецова.

– Светлана, как давно Вы занимаетесь творчеством? Что пришло сначала - тяга к рисунку или к поэтическому слову?

– Рисовала я, как и большинство детей, с глубокой юности, наверное с года. А вот момент, когда проявились способности, я сейчас не вспомню. В 12 лет я увлеклась историей моды и стала рисовать томных красавиц в вечерних туалетах. Вообще я всерьез подумывала стать модельером, художником по костюмам или театральным декоратором. Была у меня такая фантазия. Хотя профессионально рисовать я никогда не училась, даже кружок по рисованию не посещала.

Что касается «поэтического слова», в детстве мама читала мне стихи Пушкина, вместо колыбельных. Это привело к тому, что в возрасте двух лет я лопотала в рифму на непонятном языке. Но это, конечно, не в счет. Сознательное творчество (сначала переводное) могу отнести к 15 годам. Тогда я перевела несколько сонетов Шекспира для юношеской исследовательской конференции. А вот попытки переложить Пушкина на английский увенчались куда более скромным успехом. Потом я переводила уже с двух языков: с английского и французского. И, наконец, поймала себя на мысли, что не хочу ограничиваться переложением чужих образов и чувств. Что мне хочется говорить о другом, говорить иначе.

– Вы учитесь в Институте журналистики. Почему Вы остановили свой выбор на этой профессии? Почему не пошли в Литинститут?

– Я родилась в семье юристов. В детстве я была чрезвычайно серьезным ребенком и почти не улыбалась. Взрослые говорили: «Прокурором будет». Но продолжить «династию» меня никто не принуждал. Так что профессию я выбирала сама.

Я всегда мыслила достаточно рационально и понимала, что профессия — это труд, который приносит тебе некоторые материальные радости. А заработка «свободного художника» не хватит даже на оплату коммунальных услуг. При этом я знала, что хочу иметь нескучную работу, связанную с языком. По окончании школы я поступила в Институт журналистики и литературного творчества. Это позволило мне освоить интересное ремесло (журналистика в первую очередь ремесло, пускай и с элементами творчества), не оставляя литературных занятий.

– Жалеть о выборе вуза не приходилось?

– Ничуть. Мне посчастливилось с педагогами. У нас преподает целая плеяда умнейших, талантливых людей: Игорь Волгин, Лев Аннинский, Евгений Жаринов, Анна Кузнецова, Тамара Дуларидзе. Всех не перечислишь. Известный поэт, философ и переводчик Владимир Борисович Микушевич стал моим литературным наставником. А на мастер-классах режиссера Виталия Калинина я влюбилась в кинематограф. Думаю, моим вторым высшим образованием станет ВГИК (кафедра режиссуры игрового кино). Не сейчас конечно. До настоящей режиссуры я еще не доросла.

– Творчество и профессия должны сочетаться?

– Такое сочетание я вижу крайне редко. И даже не знаю, хорошо ли это. Вот если бы мне сказали, что я должна сдавать N-ное число стихотворных строк в месяц или ежедневно с 10 до 18 переводить английских и французских романтиков, стихотворные строки очень

скоро стали бы мне ненавистны.

– Как видите свое будущее в журналистике?

– Найти работу в моей профессии невероятно сложно. Особенно, если ты не дочь, не внучка, не невестка сильных мира сего. Когда сфера твоих профессиональных интересов – культура и искусство, а специализация – тележурналистика, вообще получается гремучая смесь. Но мне повезло. В феврале 2010 я попала на практику в службу информационного вещания канала «Культура», а уже в августе получила приглашение остаться работать редактором. Не люблю загадывать, но мне бы хотелось прочно связать свое будущее с этим телеканалом.

– Ваш первый конкурс? Первое произведение-победитель?

– Первым поэтическим конкурсом, а заодно и первой победой (фортуна улыбнулась мне сразу) стал международный фестиваль «Юная Росса» 2007 года. Там участвовала подборка моих стихотворений. Не знаю по каким причинам, но о победе никто мне сообщить не удосужился. Я узнала об этом уже год спустя из интернета. Оказывается, некоторые стихотворения были превращены в романы и даже исполнялись по радио.

– Впечатления от первой победы?

Всегда была уверена, что я лучшая. Ну еще убедилась, что в мире изредка встречается справедливость. Просто я могу здраво оценить возможности своих текстов. Вижу: вот это написано хорошо, а это следует отравить в мусоропровод. Хотя даже если я довольна результатом, мне все равно хочется писать еще лучше.

– Вы активно участвуете в различных конкурсах. Что движет Вами: азарт, стремление доказать себе и другим, что Вы можете быть лучшей или пополняете копилку очередными наградами?

– Боже меня сохрани кому-то что-то доказывать, мы же не в суде. Есть замечательный афоризм: «Если бы Шекспир, Бетховен, Веласкес родились в наше время, они оказались бы в ситуации, когда никто о них не узнает». Сейчас можно выставить в музее вантуз и объявить миру, что это скипетр Карла Великого. Поддержать заявление серией выступлений по радио и телевидению, статьями в печатных СМИ, и через какое-то время музейную кассу будут штурмовать толпы. Мы живем в век рекламы, которая воздействует даже на самые независимые умы. И реклама необходима всему. Особенно «разумному, доброму, вечному». В особенности искусству. Так что конкурсы — это реклама, это внимание, это возможность получить публикации в сборниках, выходящих приличным тиражом. Кроме того, выигрывать приятно.

– Участие в конкурсах всегда ли только заочное, или Вам доводилось читать свои произведения на публике? Где, когда?

– Ну если мы доживем до светлого будущего, когда приезд победителей на зарубежный фестиваль будет финансироваться за счет государства или оргкомитета, то я сделаюсь завсегдаем подобных собраний. Купить билет на самолет, чтобы прилететь на вручение премии в Германию — удовольствие не из дешевых, тем более для студента. Что касается московских конкурсов, то я охотно читаю, если зовут. Вот в декабре в Нотной библиотеке Юргенсона пройдут вечера «Серебряного стрельца» (есть такой международный поэтический конкурс). Буду там читать своего «Паганини». Вообще я воспринимаю

выступления, как данность, но у меня нет для этого особенного дарования. Я сторонник актерского чтения. Люблю, когда стихотворение «разыгрывается» на сцене, превращается в крохотный моноспектакль. Послушайте, как читает стихи Алла Демидова, как читали Иннокентий Смоктуновский, Олег Даль. Мне не повторить и тени. Каждый должен заниматься своим делом. Хотя и в авторском чтении есть свои гении. Маяковский, Есенин, Северянин славились, как великолепные исполнители.

– Как началось Ваше сотрудничество с издательством Adventure Press?

– В 2009 году я вела блог на livejournal и периодически публиковала там свои рисунки. В числе прочих был модный эскиз: сублильная дама в широкополой шляпе с пером. Из-за этого «траурного» пера друзья окрестили ее «блоковской незнакомкой», хотя одета она в платье 20-х годов. Однажды на мою страницу заглянула латвийский писатель и издатель Елена Соковенина. Блоковская дама в точности напоминала героиню ее авантюрного романа «Пять долларов для доктора Брауна». Так я получила предложение выполнить серию иллюстраций (благо, действие романа разворачивалось в Англии начала 20 века, мой любимый исторический период) и пустилась в эту художественную авантюру.

– Ваша мечта?

– Быть миллионером и путешествовать. Обожаю смотреть мир. Европу и вовсе воспринимаю, как невероятное скопление красоты. И мне грустно сознавать, какое количество стран и городов мне так и не доведется увидеть.

Стихи Светланы Астрецовой

ОРФЕЙ

Посвящается одноименному фильму Жана Кокто

«Харон!» – я кликнул перевозчика
И выпросил о плате жестами.
И трехголовое чудовище
Я усыпил игрой божественной.

Огнем и ужасом охваченный,
Измучен жаждою танталовой,
Я отворил ворота мрачные
И провалился в зал опаловый.

Я шёл над безднами бесплодными,
Как сень развесистой смоковницы.
В просвете меж двумя колоннами
Стояла тень моей любовницы.

Орфею в города аидовы
Немыслимо спуститься крадучись,
Сажает Смерть меня со свитою
Своей отведать ужин праздничный.

Нет, ни единый плод не выношен
Без высшего на то согласия.

В тысячелетие единожды
Идет из города оказия.

КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ

Когда переполнено чрево святыми,
Собор исторгает наружу чудовищ.
Оркестр, готовый играть Паганини,
Шумливей и бойче цыганских становищ.

Взошёл за пюпитр намеренно резко
Седой капельмейстер во фраке с раструбом.
Как бес, как преступник, как дух бестелесный,
Он был провидением вздёрнут под купол.

Он руки вознёс, точно вносит в чертоги
Хрустальные блюда, груженные данью;
Внезапно возник и застыл на пороге
Обтрепанный нищий, являя страданье.

Послушная, флейта метнулась к клиросу
И смерть приняла, как отвар белладонны.
Обласканный, тенор оконную розу
Растрогал, и роза раскрыла бутоны.

Повержен на плиты седой капельмейстер,
Способный из залежи вылепить душу.
Святых пожирая, гаргулий и бестий
Собор с высоты исторгает наружу.